

Убийца ты этакий, бессовестная тварь! Как ты посмел украсть деньги моей матушки? Там же было двадцать лян серебра! А ну выкладывай всё до последнего, не то я тебя до полусмерти забью!

Ах ты шлюшка малолетняя, бесстыдница! Я тебя и кормлю, и пою, и кров даю, а ты еще смеешь деньги воровать!

Удары розги по телу Чу Нина сливались с проклятиями, а свирепое лицо Хэ Ланьхуа выглядело так, будто она готова сожрать его заживо.

От боли Чу Нин выронил таз для стирки, и только что выстиранная одежда рассыпалась по земле. Избитый и растерянный, он залепетал:

— Старшая тетушка, о чем вы говорите? Никаких денег я не крал!

— Проклятая шалава! Вчера вечером, кроме тебя, в мою комнату никто не заходил. Если не ты украл мои деньги, неужто они сами отрастили крылья и улетели?

— И ты еще смеешь отпираться! Небось своровал мои деньги, чтобы содержать какого-то бродягу на стороне? Ты ведь среди ночи на днях возвращался, не на блуд ли бегал?!

Хэ Ланьхуа размахивала розгой так, что та со свистом рассекала воздух, изрыгая сквернословие за сквернословием. Свирепо проклиная Чу Нина, она влепила ему пощечину — точно свирепый зверь, решивший загрызть слабую добычу, она жаждала забить его до смерти.

Не в силах вынести побои, Чу Нин громко вскрикнул. Проходившие мимо сельчане сбежались на шум, и кое-кто, не стерпев увиденного, выступил вперед, оттаскивая Хэ Ланьхуа.

— О небеса, да разве же так бьют детей?! На нем живого места нет, вся спина в крови! Как же Нин-гэдэрь замуж-то теперь выходить будет?

— Хэ Ланьхуа, ты совсем потеряла совесть! Если продолжишь бить, так и до беды недалеко, человека до смерти зашибешь.

Заметив, что зевак становится все больше, Хэ Ланьхуа плюхнулась на землю и принялась голосить:

— Да за что же мне напасть такая! Серебро, что я крохами сберегала, чтобы старшему сынку невесту выкупить, эта дрянь утащила! Люди добрые, заступитесь же!

— Где справедливость?! Я столько лет растила эту дрянь, а он в благодарность такое утворил! И ударить его уже нельзя?!

Увидав эту безобразную сцену в исполнении распоясавшейся бабы, толпа разом отступила на несколько шагов. Вслушиваясь в ее слова, сельчане лишь улавливали сплошные подозрения — уж чей-чей, а нрав мальчика по имени Чу Нин они знали прекрасно, да и каково ему пришлось все эти годы, тоже видели своими глазами. Ни за что на свете он не стал бы красть у Хэ Ланьхуа серебро, если только не сошел с ума.

— Ты язык-то прикуси, не болтай зря! С чего бы Нин-гэдэрю твои деньги красть? Небось опять повод ищешь, чтобы парня избить?

— Точно! Ты ведь вечно норовила сорвать на Нин-гэдэре злость по любому пустяку.

Чу Баочжу, поначалу отошедшая подальше от матери из-за того, что та уселась прямо на грязь закатывать истерику, теперь, заметив, что сельчане ни капли не верят ее родительнице, поспешила подлить масла в огонь.

— Матушки мои, дядюшки и тетушки! Мать моя вовсе не зря ругается. Просто Чу Нин в последнее время вечно пропадает где-то с утра до ночи, а несколько дней назад вообще появился заночь. Я испугалась, как бы его кто не обманул, и стала за ним приглядывать. Вчера вечером и тятя, и братец были в городке и домой не возвращались — только он один и заходил в матушкину спальню. А после этого матушкины деньги пропали! И кто же тогда...

На этих словах Чу Баочжу осеклась и, с фальшивым сочувствием глядя на Чу Нина, продолжила:

— Ой, братец Чу Нин, ты ведь и раньше любил тайком таскать вещи из дому. Ладно еще еда — ты малой, ешь за троих, это понятно. Но ведь эти деньги матушка потом и кровью зарабатывала, чтобы старшему брату невесту сосватать! Вернул бы ты их по-хорошему, дело-то серьезное!

Глаза Чу Нина покраснели, он в упор уставился на мать и дочь, и Хэ Ланьхуа от этого взгляда вдруг бросило в дрожь.

— Ах ты паршивец эдакий! На кого вылупился?! А ну живо выкладывай серебро!

— Я же сказал: я не крал твоих денег! — задыхаясь, прокричал Чу Нин.

— Ай, неблагодарная ты собака! Доигрался до беды, а все отрекаешься! Ну погоди, я буду бить тебя до тех пор, пока не отдашь серебро! — Обезумев от злости, Хэ Ланьхуа подскочила с земли и бросилась на Чу Нина, занося розгу над головой.

Чжао Шуюй, возвращавшийся домой после стирки, уже собирался обойти скопившихся на дороге женщин и юношей стороной, как вдруг услышал имя Чу Нина. Шаг его замер, и он решительно шагнул в толпу.

Не успел он толком разобраться в происходящем, как увидел, что Хэ Ланьхуа замахнулась розгой на Чу Нина. В глазах Чжао Шуюя мелькнул холодный блеск, и палка для стирки, зажатая в его руке, со свистом полетела вперед, с размаху ударив Хэ Ланьхуа по занесенной руке.

От неожиданного удара розга выпала из онемевших пальцев женщины, и она пронзительно завопила, схватившись за ушибленное место:

— Ой-ой-ой! Какой же душегуб меня ударил?! Руку мне сломал, окаянный! Ой, больно! Рука отваливается! Платите! Возмещайте убытки!

Чу Баочжу, уже приготовившаяся насладиться зрелищем, увидела, что бьют ее мать, и хотела было обрушить на обидчика брань, но, разглядев нарушителя спокойствия, тут же проглотила готовые сорваться с языка слова.

На нем была черная рабочая одежда, а тугой кушак подчеркивал широкие плечи и узкую талию. Сам он держался прямо и уверенно, а лицом был куда краше всех тех уездных господ, что ей доводилось встречать. Щеки девушки невольно залил румянец, и бранить его ей расхотелось.

Чжао Шуюй подошел к Чу Нину и заметил, что тот смертельно бледен, со лба катится холодный пот, а покрасневшие уголки глаз полны слез — мальчик смотрел на него с такой беззащитной мольбой, что у Чжао Шуюя в голове словно что-то звонко и гулко рухнуло. До чего же красивыми оказались глаза у этого Чу Нина! Если отмыть ему лицо, да дать немного подрасти, наверняка писаная красавица выйдет... Самое главное — он ведь еще и детей рожать способен!

Интересно, как устроен его организм? Каким образом мужчина может родить ребенка? В эту эпоху никаких тебе кесаревых сечений — от одной мысли жутко становится.

Бросив взгляд на сплошь покрытые следами побоев синяки и ссадины на его теле, парень почувствовал вспышку острой жалости. В его родные времена в таком возрасте подростки только-только поступали в старшую школу, а эта баба додумалась так избивать ребенка!

Заметив, как эти двое смотрят друг на друга, Чу Баочжу почувствовала укол ревности, и румянец мгновенно сошел с ее щек.

— Ученый Чжао! С какой стати вы бьете мою матушку?

Не успел Чжао Шуюй ответить, как Хэ Ланьхуа, преодолевая боль в руке, принялась яростно тыкать пальцем в Чу Нина и Чжао Шуюя:

— Дожились! С ума сойти, никакой управы на них нет! Мало того, что эта бесстыжая шлюха

серед ночи по чужим углам шляется, так теперь еще и любовника привела, чтобы он старших избивал! Верно люди говорят: та история, когда тебя нашли потерявшим сознание в горах, вовсе не случайность! Наверняка вы там шашни крутили, вот с вами беда и приключилась! Бесстыдники, срамota! Эту потаскуху надо в свиную клетку запереть и...

Речь ее изобичала такой грязной бранью, что слушать это было невозможно.

Чжао Шуюй с холодным презрением посмотрел на нее и уже собирался лишить бабу дара речи точным ударом по точкам, как на дорожке показались отец и сын — Чу Бовэнь и Чу Яоцзу.

— Это что еще за шум? Из-за чего сыр-бор?

— Хозяин! Наконец-то ты вернулся! Этот твой племянник совсем от рук отбился! Привел любовника и грозит меня убить! Заступись же за меня, ради всего святого! — Завидев мужа и сына, Хэ Ланьхуа на четвереньках подползла к ногам Чу Бовэня и зашлась в истошном плаче.

Окружавшие их сельчане остолбенели от такой картины.

Чу Яоцзу, мнивший себя возвышенным ученым мужем, предпочел бы провалиться сквозь землю, лишь бы не признавать в этой истеричке свою мать.

— Объясните толком, что здесь стряслось? — нахмурившись, спросил Чу Бовэнь.

— Твой благоверный племянник стащил серебро, что я откладывала на невесту для нашего сыночка! Я сгоряча пару раз огрела его розгой, чтобы отдал украденное, а он мало того что упирается, так еще и чужого мужика привел, чтобы тот меня и твою дочь позорил! Куда только небеса смотрят! — голосила Хэ Ланьхуа, с ног на голову переворачивая факты и опережая всех с жалобами.

— Что?! — Чу Бовэнь, увязавший по уши во всех пороках — от азартных игр до блуда и пьянства, — больше всего на свете дорожил своими деньгами и драгоценным сынком. Услышав такое, он расвирепел и бросился на Чу Нина с кулаками.

Чжао Шуюй среагировал молниеносно и одним мощным ударом ноги отбросил его на несколько метров назад.

Чу Нин широко распахнул глаза — в его взгляде смешались испуг и тайное ликование, в то время как случайные зрители переглянулись в оцепенении.

— Рот полон сквернословия! Вы утверждаете, что младший братец Чу Нин украл деньги — так где же доказательства? — шагнув перед Чу Нином, грозно спросил Чжао Шуюй.

Чу Нин смотрел на широкую спину заслонившего его человека. За все долгие годы, что его избивала Хэ Ланьхуа, еще никто и никогда не вставал между ним и ударами. Волна горячего тепла поднялась из глубины груди, и слезы хлынули из глаз помимо его воли. Он торопливо опустил голову, пытаясь смахнуть их рукавом.

— Я сказала, что украл, значит — украл! А ты, парень из семьи Чжао, больно охотно во все нос суешь! Уж не крутишь ли ты шашни с этой нашей подстилкой? — не унималась Хэ Ланьхуа, чувствуя себя абсолютно правой.

— Заткнись! — рявкнул Чжао Шуюй и сделал пару шагов к Хэ Ланьхуа, заставив ту трусливо спрятаться за спину мужа.

— Даже в уездном суде для вынесения приговора требуются улики, а вы голословно бросаетесь тяжелыми обвинениями. Если так, давайте обратимся к уездному судье — пусть он во всем разберется.

— Если действительно пропала крупная сумма, то при ваших скромных доходах сразу станет ясно, кто из домашних в последнее время неожиданно начал сорить деньгами. Стоит лишь провести проверку, — произнес Чжао Шуюй, пристально глядя на забежавшего глазами Чу Яоцзу. И действительно, при упоминании о возможном обращении к властям лицо того мгновенно переменилось.

<http://bllate.org/book/22441/2357835>